

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Погиб в ноябре 1941 г.

СТИХИ, РОЖДЕННЫЕ МОРЕМ

Очерк Вс. Азарова

Творческое наследие поэта-моряка Алексея Лебедева невелико. Это два сборника стихов: «Кронштадт» (1939) и «Лирика моря» (1940), изданные при его жизни, а также стихи, собранные после гибели поэта в его книгах: «Огненный вымпел» (1942), «Морская сила» (1945), «Родному флоту» (1950), «Путь на моря» (1956).

Алексей Алексеевич Лебедев родился 1 августа 1912 г. в Суздале; здесь, а потом в Костроме, далеко от морских просторов, прошло его детство. Мать поэта, учительница, которую сын горячо любил, передала ему свою привязанность к родной литературе. В 1927 г. семья Лебедевых переехала в Иваново. Там в школе Алексей Лебедев вступил в комсомол. Недолгое время после окончания девятилетки Алексей работал подручным слесаря-водопроводчика. Но его еще с детства влекла мечта стать моряком. Три года служил он матросом на судах Севрыбтреста и торгового флота. Затем Алексей Лебедев возвратился в Иваново и стал работать, занимаясь одновременно в вечернем строительном техникуме. В 1933 г. Лебедев был призван на срочную службу. Плаванья в северных водах закалили его волю, трудовая среда научила законам товарищества. На флоте Алексей Лебедев получил специальность радиста, познакомился с увлекательной, нелегкой жизнью советских подводников. Спустя два года командование флота удовлетворило рапорт Лебедева и рекомендовало его в Высшее военно-морское Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе. Отдавая все силы изучению военно-морских дисциплин, увлеченно занимаясь морской практикой, в стенах училища он стал, вместе с тем особенно настойчиво работать и в области поэзии.

Многое дали молодому поэту учебные плаванья на Балтике, на Черном и Азовском морях. На Краснознаменном крейсере «Аврора», на учебных судах «Гидрограф» и «Свирь» приобщался он к суровым законам морского братства, готовился стать командиром.

К этому времени относится наше с ним знакомство. Коренастый, попыхвающий любимой трубкой, он читал на память свои и чужие стихи, рассказывал о морских походах. Флот дал ему основную тему творчества. Жизнь советских военных моряков стала для Алексея Лебедева источником вдохновения.

Уже тогда, когда поэта не было в живых, в послевоенные годы, готовя к печати книгу избранных его стихотворений, я познакомился в Центральном Военно-морском архиве с личным делом курсанта Лебедева. В графе «Принимал ли активное участие в Октябрьской революции и в гражданской войне?» он оставил характерную для него запись: «К сожалению, за малостью лет не принимал». Подвиги героев Октября — моряков, защищавших Родину в годы гражданской войны, воодушевляли моряка-поэта. Он воспевал героизм отцов, связывая с ними призвание и высокий удел сыновей, защитников Родины, к поколению которых принадлежал и он.

Мне вспоминается Лебедев зимой 1939/40 г. в Кронштадте. Он только что вернулся из боевого похода на эсминце «Ленин». В его блокноте были написанные в боевой обстановке стихи, посвященные славному русскому флотоводцу адмиралу Нахимову, новый цикл о людях сурового морского труда — артиллеристах, минерах, машинистах и связистах корабля.

Лебедев обладал мужественным светлым талантом. В его книгах есть и проникновенная лирика, и юмор, и полные строгого благородства исторические стихи, вдохновленные славой боевых традиций.

Во второй книге стихов «Лирика моря» еще сильнее, чем в первой, живет сопоставление героизма старших поколений русских моряков с доблестью новых поколений:

А нам морями дальше плавать,
Владеть любой глубиной,
Наследникам гангутской славы
И начинателям иной.

Цельный по своему характеру, убежденный в правоте великого коммунистического дела, готовый, если потребуется, «себя и мужество решений проверить сталью и огнем сражений», только что закончивший училище лейтенант Лебедев встретил 1941 год. Молодой офицер был назначен штурманом на подводную лодку. Вот одно из писем, которые поэт посылал близким из осажденного Ленинграда. Оно датировано 29 октября 1941 г.

«Дорогая и милая моя мама! Когда ты получишь это письмо, я буду далеко в море... Не смущайся, если даже до половины декабря не будешь иметь обо мне известий. Не закрываю глаза на то, что поход будет серьезным и не лишен опасностей, но надеюсь, что все будет в порядке. Дней пять-шесть налетов не было, а сейчас гады опять летают и бомбят. Вглядываюсь в город, особо прекрасный в своей трагической красоте. Сейчас в милую осеннюю пору особенно чувствуешь, как хороша жизнь, как кратковременна она, как бессмысленно уничтожение на войне всего лучшего, что вырастило и сделало человечество, и вместе с тем выход только один: драться, драться

СССР
Министерство Морского Флота
ОТДЕЛ
Р. Е. Ф.
Место жительства: Ленинград
ИЗВЕЩЕНИЕ
Ваш: Лейтенант
Лебедев, Алексей Александрович
(фамилия, имя, отчество)
Почтовый адрес: ул. 50. Р. Санкт-Петербург
Участие в боях за социалистическое Отечество, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество
почув в ночь 6 ноября 1941 г.
(дата, указав час)
Похоронен: _____
(указать погребения)
Достоинство и звание указывается документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКВМФ СССР № 225 от 16 июня 1941 г.)
Кавалер ордена: _____
М. П.

ИЗВЕЩЕНИЕ О ГИБЕЛИ
А. А. ЛЕБЕДЕВА
9 ноября 1942 г.
Собрание В. Е. Петровой,
Ленинград

А. А. ЛЕБЕДЕВ

Фотография, 1939

Собрание В. Е. Петровой,
Ленинград

я драться, только огнем, только сталью, только тремя жизнями за жизнь можно сломить орды этой дегенеративной и безумной сволочи, идущей на нас. На этом стою. Не говорю „прощай“, светлая моя мама, сто раз целую милые твои руки, серебряные волосы, глаза и губы.

Ничто еще не потеряно, если надежда не покидает сердце и руки держат оружие. И теперь вот, накануне самого серьезного из походов, сделанных мною, я не раскаиваюсь в том, что выбрал себе военно-морскую профессию, она отвечала моему характеру... Твердо верю, что мы победим».

В ту пору Лебедеву удавалось писать только урывками, после вахт. Его стихи, созданные в дни самых жестоких испытаний, оптимистичны, полны предчувствия победы. Лебедев писал о Петре, шествующем по осажденному Ленинграду, горящемся мужеством его защитников, о морских десантах, о подводной лодке, успешно возвращающейся в родную базу. Поэт писал о гибели боевых друзей, но в этих стихах не было ни одной размагниченной нотки, жила неукротимая воля к победе.

В ноябре 1941 г. подводная лодка «Л-2», на которой служил лейтенант Лебедев, не вернулась из боевого похода. Штурман Лебедев погиб вместе со своим кораблем.

«Мертвые остаются молодыми», — назвала одну из своих книг Анна Зегерс. Так молодым, 29-летним продолжает жить в нашей памяти павший смертью храбрых товарищ. Стихам его суждена долгая жизнь. Их любят в нашей стране и любят на флоте. В Кронштадте есть улица Алексея Лебедева, в Кронштадтском музее его жизни и творчеству посвящен особый раздел. Там хранятся и два изданных при жизни Лебедева его поэтических сборника.

Незадолго до гибели поэт в стихах, адресованных жене, словно предчувствуя судьбу, писал:

... Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать,—
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать...

А если сын родится вскоре,
 Ему одна стезя и цель,
 Ему одна дорога—море,
 Моя могила и купель.

В этих строках выражено основное в облике Лебедева—любовь к морю, верность и преданность ему, стремление на своем примере воспитать новое поколение пытливых, мужественных и сильных.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ ПОЭТА

Публикация В. Е. Петровой

22 июня 1941 года... До отказа наполненный поезд мчит нас из пригорода в Ленинград. В тамбуре жарко. Алексей Лебедев и четыре его товарища о чем-то тихо разговаривают. Я внимательно смотрю на лицо Алексея. Оно сурово... И вот до меня доносится его слова: «Нет, Володя, где бы мы ни были, по первому зову Родины мы обязаны явиться в часть. Сейчас едем все в экипажи — каждый в свой».

Я вспомнила прошедшую ночь, последнюю мирную ночь. Мы с Алексеем встречали восход солнца у Финского залива. Спать совершенно не хотелось. В белые ночи многие ленинградцы не спят. Так мы бродили по берегу, прислушивались к едва уловимому плеску волн. А вот и солнце. Алексей снял мичманку и сказал: «Как хорошо! Вот так бы жить. Если войны не будет в этом году, то ее не будет долго, но...» Он покосился на висевший у него сбоку пистолет. Потом вынул пистолет из кобуры и, прицелясь, выстрелил в камень далеко в море. «Дай я», — попросила я... Но, никогда не держав настоящего пистолета в руках, я слишком близко поднесла его к лицу, как мелкокалиберную винтовку, и выстрелила. Точас же почувствовала боль. Алексей обернулся: «Ах, я совсем забыл, что ты ведь не умеешь». А потом добавил: «Надо научить тебя. Это должны все уметь перед войною. Даже женщины». И немного помолчав: «Даже дети. Война, если будет, будет жестокая».

...И сейчас мне жгло переносицу — отдача была сильной... Алексей уже улыбался, глядя на меня, говоря: «А вот и первый наш раненый». Моряки рассмеялись. И тотчас спохватились... Война. Каждый думал о своем. И вдруг кто-то начал читать:

Не надо мне ни уюта,
 Ни нажитого в покое
 Домашнего барахлишка
 И сытенького брюшка.

И все уже дальше читали хором:

Орудья стоят на юте,
 Туманы видимость кроют,
 Лишь мужество быть с излишком
 Должно в душе моряка.
 Во имя грядущего боя
 Торпед моих и снарядов,
 Во имя великой злобы
 К идущим на нашу страну —
 Хочу свою жизнь устроить
 Суровым, морским порядком,
 Чтоб мужество высшей пробы
 Могло через край плеснуть.

Возможно ли чтоб годы эти
 украсили нас, но я надеюсь
 Апрель горюхоратить ветви,
 Июльский шуми воскресива,
 Возможно ли в разлуке дальна
 Близко в наших, в горюх
 Красиво оно изранено,
 Каким-то горестным лобом
 #8 Как два в одну душу,
 Великая великая ветвь
 Кладом под апрель поделю,
 Горюхоты и наших вост
 За вами души и повед
 И можно ли так много
 Безнапрядно себя за год
 Гибель и бурюли реду
 О величии под рудами
 Гранит камени и горюх,
 Нет не самое и над иран
 К сторуху ирестими лобом

«ВОЗМОЖНО ЛИ, ЧТОБ ГОДЫ ЭТИ...»

Автограф стихотворения А. А. Лебедева, 1941

Первый лист

Собрание В. Е. Петровой, Ленинград

Помолчали. А потом один из товарищей сказал: «Как это здорово, Алеша! И самое главное: как это вовремя!»

— Видишь ли, — ответил Алексей. — «Отречение» я написал не потому, что не люблю жизнь или очень рвусь в драку. Нет... Видимо, я всегда себя готовил к солдатской жизни¹. Вот и ей, — кивнул он на меня, — всегда говорю, что не будет у нас полированных шкафов и зеркальных тумбочек. И знаешь, — сказал он уже весело смеясь, — она согласилась на единственную мебель — чемоданы.

А потом он еще читал стихи. Поезд подошел к перрону. На Финляндском вокзале все репродукторы были включены. И все они оповещали одно — война, война, война.

Алексей простился с товарищами. Проводил меня до трамвая. Вынул свою трубку (подарок писателя Б. Лавренева), молча набил ее табаком. Закурил и сказал: «Не горюй, я буду драться за жизнь за твою — и свою дешево не отдам».

...Потом встречи в осажденном Ленинграде и письма — лаконичные, как стихи. В них он сообщал то о встрече с друзьями, то о гибели товарищей, то назначал свидания, и больше всего мечтал о победе...

Вот письмо от 30 сентября 1941 г.:

Милая моя Веруфа.

Ну вот видишь, ты и дождалась письма от меня. Очевидно, мне фартит, если ты обо мне думаешь, отчего глубины меня и вернули. Было много неприятных ситуаций, и тому, что я могу писать тебе, я искренне удивляюсь (ну и радуюсь, конечно).

Приношу тебе мои поздравления по поводу дня твоего рождения и желаю, во-первых — пережить все испытания, второе — не потерять нам друг друга. Я здесь с 29-го. На несколько дней. Адреса по условиям войны сказать нельзя, но вообще он сравнительно недалеко от завода Ломоносова. Если у меня будет хоть самая малейшая возможность, я постараюсь увидеться с тобой. Режим же сейчас суровый. Веруфа, я слышал, что Ю. Инге и О. Цехновицер погибли. О ком слышала ты?

Очень мне хотелось бы увидеться с тобой и снова услышать, как ты говоришь: «Лёфа» и переступаешь мелким бесом, и обнять тебя. Столько видишь тяжелого и страшного, что душа как бы отупела, а всего хуже слышать этот гнусный свист бомб и быть лишенным возможности ответить. Надо было идти в летчики. Тебе поклоны от Коли Корака. На перекрестке морских дорог мы встречались дружески и, пока курили, вспоминали хорошие дни и милую весеннюю Гатчину, такую глупую, молодую и счастливую пору. Пиши мне пока на то же 107 п/о. С каких часов ты дома, когда уезжаешь на работу?

Целую тебя, твой А. Лебедев

Потом долго не было писем. И вдруг получаю письмо, датированное 23/X — 41 г. Он пишет:

Веруфа! Если бы ты в воскресенье пришла так в половине одиннадцатого к Дому писателей, то мы имели бы там шанс увидеться. Я получил твое письмо, и не моя вина, Руфа, что я не смог видеть тебя. Во всяком случае, если тебе будет возможно, ты придешь. Привет тебе от А. Атласа, которого ты, наверно, помнишь, и от Николки Корака. Правда, оба они опять в море.

Ну будь здорова. Целую. А. Лебедев

Последнее письмо от 11 ноября 1941 г. я получила уже тогда, когда поэта не было в живых. С письмом пришло и последнее стихотворение поэта-моряка. Вот несколько строф из него:

Владеет миром тишина,
 Во льду кольцо береговое,
 И встала медная сосна
 На вахту старого покоя.
 Зелено-льדיстый небосвод
 Над невысокими горами,
 Давно разбитый бурей бот
 Изглодан солнцем и ветрами...

И дальше:

... Настанет день когда-нибудь,
 И кровь врага зальет пожары,
 И о победе пропоют
 В боях пробитые фанфары,

И нет ладони на руле
И, радость чувствуя земную,
Тоскующие о земле
Покинут палубу стальную...

Это письмо, как и стихотворение «Отречение», знают сейчас наизусть все курсанты Высшего военно-морского училища имени Фрунзе. Письмо было кратким. Вот оно:

Вспоминай меня, Руфа, иногда, через пару часов я буду уже далеко, когда вернусь, вернусь ли — не знаю. Тебе и только тебе пишу перед отходом. Ты знаешь, что иногда мы могли долго не говорить, но тем сильнее чувствовать, что мы любим друг друга. Твоим Лешей, во фланелевке, молодым, идущим с тобой по Гатчине, и хочу остаться я в твоей памяти. А у меня в сердце ты, Веруфа, забыть которую нельзя так же, как язык, на котором говоришь, и землю, на которой рожден.

Целую тебя, девочка.

Прости печаль, которую я причинил тебе.

Не забывай меня.

Твой Алексей

Это было последнее «прости» земле... Поэт моря ушел от нас в море, и море его не вернуло... Но стихи А. Лебедева остаются в строю. Они звучат и по сей день.

¹ Стихотворение «Отречение», написанное Лебедевым еще в стенах Военно-морского училища им. Фрунзе, было им обработано и сокращено в 1941 г. В сборники поэта оно не включалось.